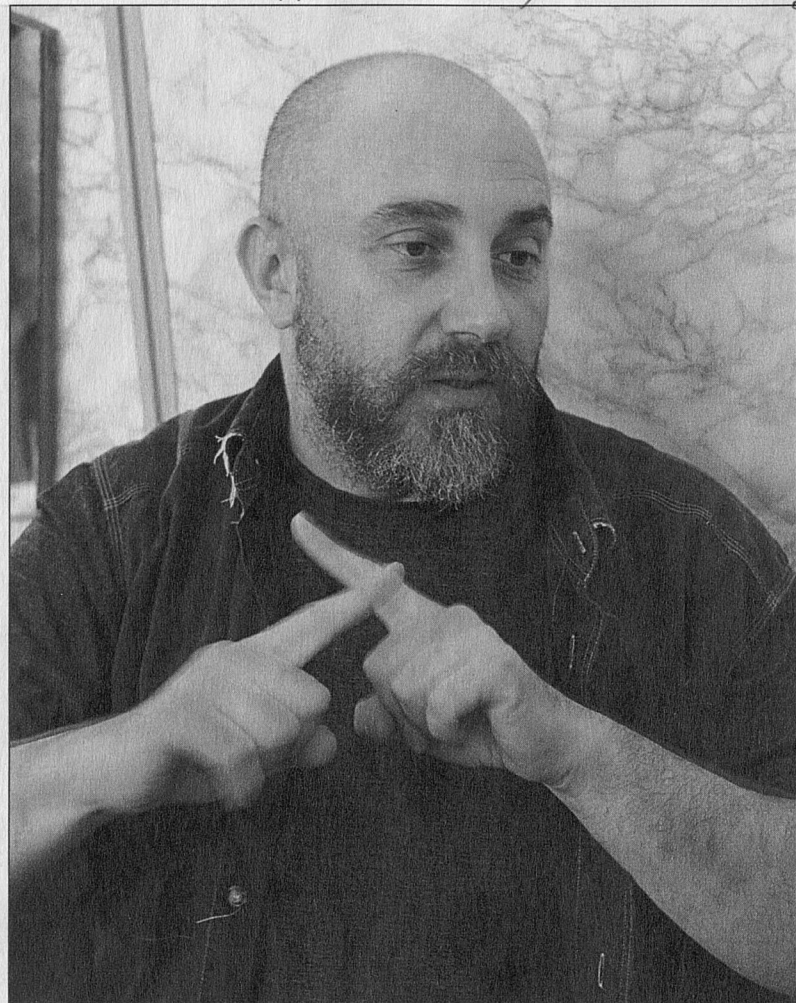

Анатолий МОРКОВКИН

Павел Каплевич известен как театральный художник. Однако такое определение его творческой деятельности не может быть полным. Он работает в театре и кино, создает «кутюрную» одежду, оформляет магазины, спортивные и бизнес-центры, реконструировал даже кинотеатр. В последнее время продюсирует спектакли. Сейчас Павел Каплевич делает костюмы для «Грозы» в «Современнике» и «Тартюфа» во МХАТе им. Чехова. В обоих спектаклях — звездный состав. Премьеры обещают стать громкими театральными событиями.

— Как получилось, что, закончив актерский факультет Школы-студии МХАТ, вы занялись художеством?

— Это произошло случайно. У меня очень свободолюбивая сущность. Если начинается неволя, то я ищу ходы, чтобы из нее выползти. В рамках актерства мне стало тесно. Я подумал, что не смогу на этом пути достигнуть тех высот, для которых предназначен, а я жаждал подвигов. И тут мой организм как-то изловчился, и я стал рисовать.

— А в школе этому не учились?

— Нет. Да я, кстати, сейчас практически не рисую. Вернее, редко этим занимаюсь. Если завтра надо эскизы нести на худсовет или, к примеру, звонят и говорят, что кто-то хочет мои работы купить или предлагают на аукционе выставить, а мне жалко их от-

давать, то я делаю что-то новое. Вот такой я художник. Ситуация так сложилась, что сейчас мне стало тесно внутри художества. И я занялся продюсерством.

— Все время новые формы ищите?

— Я не могу сконцентрироваться на чем-то одном. Я всегда себя хорошо чувствовал при перебежке. Когда я работал на «Мосфильме» и в кино меня что-то не устраивало, я убегал в театр. Повторял себе: «Господи, как же здесь хорошо!». Когда же мне что-то мешало в театре, вновь скрывался в кино. Сейчас все то же самое происходит. У меня на выпуске три спектакля — бегаю, жду костюмов. Запущено большое детское музыкальное шоу «Алиса в Зазеркалье». С другой стороны, кино. Готовлюсь к работе над фильмом Олега Тепцова «Любовь к Пиковой даме». Параллельно занимаюсь одним проектом для Галины Волчек. Я хочу, чтобы она вернулась на сцену, чтобы она играла. Материал уже выбрали — Роман Гари «Вся жизнь впереди».

— Не боитесь, что вам однажды надоест быть продюсером?

— А я думаю, даже уверен, что это не последняя моя ипостась. Куда двинусь, еще не решил. Из визуальных направлений мне не надоест заниматься только театральными костюмами.

— Значит, в этом виде деятельности ваше вдохновение не иссякает. А как образы рождаются?

— Это сложная кухня. Вот, к примеру, сейчас во МХАТе работаю над «Тартюфом». Режиссер — Нина Чусова. Эскизы к этому спектаклю я сделал на рисунках своего сына. Нина хотела чего-то циркового, шутовского. И я подумал, что не плохо бы, если кто-то облегчит мне путь. Я проштудировал около пятидесяти томов различных энциклопедий по костюмам, а запас этой литературы у меня вну-

шительный, и нашел бельгийскую одежду XVII века. У нее очень интересный крой, сегодня он смотрится забавно и смешно. Женские и мужские костюмы приблизительно одинаковых конструкций: крой из-под груди, до колена, чулки обязательны. И вот эту бельгийскую одежду я стал воспроизводить на детских рисунках, разумеется, с трансформацией. Я сделал огромное количество эскизов, потом около двухсот из них показал Нине, и мы выбрали подходящие. Вместе с Чусовой сейчас мы работаем и над «Грозой» в «Современнике». Там с костюмами тоже интересная история получилась. Некоторое время назад я начинал делать эскизы для оперы «Борис Годунов». Потом предложение изменилось, что-то не вышло, проект не состоялся. Я показал Нине эскизы к «Годунову», но не говорил, откуда они. И мы стали вместе размышлять над ними и дофантазировать.

Эскиз костюма Катерины. «Гроза» — «Современник».

лись до того, что судьба Катерины — это судьба Снегурочки, кстати, тоже из Островского. Сюжетные линии схожи: героини приходят в чуждую им среду. Так костюмы из «Годунова» переключались в «Грозу». У Катерины там будет очень интересный головной убор — высокий колпак как у Жанны д'Арк.

— А с актерами вы костюм обсуждаете?

— Опять же все по-разному происходит. Когда привезли костюмы для «Грозы», Лена Яковлева увидела мужское вязаное пальто, которое изначально готовилось для Бориса, она в этот костюм влюбилась и сказала, что будет в нем играть. Задачу костюма объясняю только режиссеру и всегда оставляю некий зазор. Когда уже все гвозди вбиты, я иду в запасники и ищу какие-то детали, которые могут прирасти к костюму: аксессуар, шляпка, украшения. Позднее эти мелочи могут стать лирической темой. Но их можно найти только, когда уже есть решение. Каждый раз приходится создавать новый закон. Вот мой друг, художник Юрий Купер говорит: «Самое главное — определить географию своей поверхности».

— А вам сейчас проще стало рабо-

тать, чем десять-двадцать лет назад?

— Сегодня мне работать гораздо тяжелее. Дело не в том, есть ткани или нет. Раньше мы умудрялись доставать их за границей, если не находили у себя. Брели старинные вещи. Красиво было и тогда. А тяжелее стало потому, что я уже очень много сделал. Стараюсь не повторяться. Мне даже с режиссерами разговаривать стало тяжелее, постоянно задаюсь вопросом: «А

Владимир Мирзоев таким моим экспериментам доверял. Мы с ним вместе около двадцати спектаклей сделали. Я точно знаю, что костюм должен быть игровым, он должен помогать артисту.

— А ваши авторские вещи насколько театральны?

— Для меня любой костюм — театр. Я даже экспериментировал с тканями. Придумал «прошоренные ткани»

— научился соединять несоединимые фактуры и создавать новые материи. Я все пытаюсь превращать в игру. Даже переговоры со спонсорами. Театральный человек должен быть заразительным.

— При таком отношении к жизни для вас хоть что-нибудь представляет сложность?

— Как продюсеру мне оказалось сложным распространять билеты. Я могу просчитать проект, но не знаю, как его потом продавать. Я пришел из художества, поэтому мне интереснее процесс приготовления чего-либо. Поэтому спектакль «Резиновый принц» у меня забрал прокатчик. Когда я стал продюсером, я разучился зарабатывать деньги, я начал их вкладывать. Продюсерство — это всегда авантюра, но опробовать в ней нельзя. Я учусь отдавать свои проекты. Жить вместе мне интересно только с фестивальными спектаклями. С «Чайкой» Андрея Жолдака мы уже были в Колумбии, в Польше, только недавно вернулись из Германии. Кучу премий получили. От таких поездок очень много впечатлений.

— Так вот в чем ваш источник вдохновения...

— Да. Я очень люблю путешествовать. Люблю быть на природе. Я даже живу за городом. У меня красивый дом, в котором очень многое я сделал сам, хотя он и был построен в начале 20-х годов XX века. Мне удалось заполучить наличники, сделанные в абрамцевских мастерских. Резьба сделана по Архангелогородским образцам. Теперь кажется, что дом на 100 лет старше. Он получился сказочным и поэтичным.

Мне очень нравится находиться в кругу семьи, с женой и детьми, с друзьями. Это основное. Вспышки впечатлений могут быть и от выставок, музеев, спектаклей, от интересных людей. Всюду открытия. Для меня главное, чтобы не было скучно. Не важно, сколько денег приносит тот или иной проект, если скучно — я уплыву.

А еще я понял, что я всегда и везде чужой. В кино, в театре. «Свой среди чужих, чужой среди своих». Не знаю, хорошо это или плохо. Но места своего у меня нет. Только у себя дома...

Беседовала Полина ШЕРШНЕВА

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАМЕРНЫЙ ТЕАТР

27 и 28 марта

БОМАРШЕ ПРЕМЬЕРА

СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

КОМЕДИЯ

Режиссер - А. Каневский
Художник - М. Соловьев
Композитор - М. Шмотова
Балетмейстер - М. Суворова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА ВАЛЕРИЙ ЯКУНИН